

2.6. ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ КАК СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Забродин Дмитрий Михайлович, аспирант. Место учебы: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Подразделение: кафедра теории государства и права. Должность: юрист. Место работы: Юридическая фирма «ЮСТ». E-mail: dmzabrodin@gmail.com

Аннотация

Задача: Целью проведения настоящего исследования является попытка автора рассмотреть вопрос о потенциале правовых презумпций быть самостоятельными и эффективными средствами преодоления пробелов в законодательстве. Актуальность рассматриваемой проблемы автор видит в том, что порой пробелы в законодательстве не являются столь очевидными. Более того, формальное применение законодательства позволяет утверждать, что пробел в определенном случае отсутствует. Однако за таким формальным подходом может скрываться пласт правоотношений, специфика которых не была учтена законодателем при регулировании данного случая. При этом указанные пробелы в действительности могут быть преодолены в ходе правоприменительной практики путем использования правовых презумпций, прямо или косвенно предусмотренных законодательством.

Модель: При подготовке исследования использовались общие научные методы (функциональный, логический методы с приемами анализа и синтеза), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

Выводы: По нашему мнению, правовые презумпции могут быть использованы в качестве эффективных средств для преодоления пробелов в законодательстве, и при этом они имеют самостоятельное значение. Правовые презумпции могут быть успешно использованы в настоящее время до непосредственного устранения выявленного пробела в законодательстве, их применение, как правило, не вызывает сомнения у правоприменительных органов.

Рамки исследования: При подготовке настоящего исследования автор в силу своей профессиональной деятельности рассматривал правоотношения, регулируемые законодательством о банкротстве. Однако автор уверен, что подобные рассматриваемым им случаям ситуации могут быть разрешены в иных отраслях права и законодательства, что подтверждается в работах других ученых и специалистов. В качестве примеров в статье рассматриваются презумпция отсутствия конфликта в отношении вопроса об избрании представителя участников (учредителей) должника для представления их интересов в деле о банкротстве и презумпция действия комитета кредиторов в интересах всех конкурсных кредиторов должника.

Оригинальность/ценность: На момент подготовки настоящей статьи автором не было выявлено работ, специально посвященных раскрытию потенциала правовых презумпций как средств преодоления пробелов в законодательстве. Данное исследование может представлять интерес для аспирантов, соискателей, кандидатов и докторов юридических наук

и всех, кто интересуется проблемами правовых презумпций и вопросами преодоления пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: правовые презумпции, пробелы в законодательстве, преодоление пробелов в законодательстве.

LEGAL PRESUMPTIONS AS MEANS OF OVERCOMING LEGAL GAPS

Zabrodin Dmitriy Mikhailovich, postgraduate student. Place of study: Moscow state law university named after O.E.Kutafin (MSLA). Department: State and law theory chair. Position: lawyer. Place of employment: YUST Law Firm. E-mail: dmzabrodin@gmail.com

Annotation

Task: The purpose of this research is to examine the potential of legal presumptions as self-sufficient and effective means of overcoming legal gaps. The author explains the importance of the matter with the fact that sometimes legal gaps are not very obvious. Besides, formal application of law allows stating the lack of legal gaps in certain cases. However, this formal approach can conceal a number of legal matters that had not been taken into account by the legislator regarding this issue. This being said, legal gaps can actually be overcome through enforcement of law by using legal presumptions, explicitly or implicitly provided by law.

Model: The research uses general scientific methods (functional and logical methods using analysis and synthesis), as well as specific legal methods (formal legal method, comparative legal method, etc.).

Conclusions: In our opinion, legal presumptions can be used as effective means of overcoming legal gaps, and they also have a self-sufficient role. Legal presumptions can be effectively used at the moment until the discovered legal gap is directly filled, and their use usually does not raise doubts for law enforcement authorities.

Scope of research: Due to his professional occupation, in this research the author examined relations under bankruptcy law. However, the author is convinced that similar cases can be resolved in other branches of law and legislation, which is confirmed by works of other scholars and experts. As examples, the article describes the presumption of lack of conflict regarding selection of a person representing the debtor's members in bankruptcy proceedings and the presumption of the committee of creditors acting in the interests of all the debtor's creditors.

Originality/value: At the time of preparing this article the author had not discovered works specifically dedicated to the potential of legal presumptions as means of overcoming legal gaps. This research can be of interest to post-graduates, PhDs in Law and everyone who is interested in the issues of legal presumptions and overcoming legal gaps.

Keywords: legal presumptions, legal gaps, overcoming legal gaps.

Вопрос о роли правовых презумпций в действующем механизме правового регулирования с недавних пор перестал иметь однозначное решение.

В некоторых работах ученых дореволюционной и советской России отмечалось, что правовые презумпции обладают «могущественной силой в области права»¹, входят в догму права как один из ее основных элементов² и не направлены на решение только процессу-

¹ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань. 1854. С. 44.

² Муромцев С.А. Что такое догма права? Критико-полюемическая заметка по поводу статьи Гольмстена «Несколько мыслей о позитивизме в науке права» в «Журнале Гражданского и Уголовного

альных вопросов, но еще и материально-правовых³. Однако раскрытие этой «могущественной силы» во всей ее полноте, как правило, оставалось за кадром исследования.

В большинстве случаев споры о роли правовых презумпций в действующем механизме правового регулирования возникают в плоскости отнесения их к технико-юридическим категориям, где основное назначение правовых презумпций сводится к распределению бремени доказывания и восполнению недостающих в правовой модели юридических фактов⁴.

Тем не менее, в последнее время одним из направлений в исследовании правовых презумпций являются попытки рассмотреть потенциал правовых презумпций быть средствами (способом) преодоления пробелов в законодательстве⁵.

Какая-либо специальная работа, посвященная поиску ответа на поставленный выше вопрос, в настоящее время отсутствует.

Из последних работ, касающихся данной темы, стоит особенно отметить монографию Булаевского Б.А.⁶, диссертационные исследования Демина А.В.⁷, Кузнецовой О.А.⁸ и Зуева Ю.Г.⁹

Так, Б.А. Булаевский рассуждает о возможности использования правовых презумпций как средств «особого рода», которые в состоянии ликвидировать неопределенности в праве, вызванные особенностью явлений, включаемых в правовое поле¹⁰. Таковым явлением выступает, например, вина, доказать наличие или отсутствие которой в правоотношениях, возникающих из причинения вреда, достаточно сложно.

Именно в таком ключе юридические конструкции, основанные на предположениях, в том числе правовые презумпции, способны «усовершенствовать право, сделать его более пластичным, пригодным для эффективного регулирования общественных отношений»¹¹.

Однако правовые презумпции выступают в качестве оперативных средств восполнения пробелов в законодательстве и должны быть использованы только в исключительных случаях постольку, поскольку восполнение наличествующих пробелов (неопределенностей) иными средствами невозможно. Презумпция существования какой-либо нормы в законодательстве не допускается, следовательно, применение правовых

презумпций для восполнения недостающих правовых норм должно исключаться.

Говоря об «иных пробелах в праве», для которых отсутствуют специальные правила восполнения, Булаевский Б.А. ставит вопрос о возможности использования правовых презумпций для преодоления таких пробелов. Тем не менее, объективная необходимость в применении презумпции должна привести к ее закреплению в норме права и, тем самым, к ликвидации пробела¹².

О каких именно «пробелах в праве» говорит автор не ясно, однако стоит отметить используемый им пример законодательства об интеллектуальной собственности, в котором правовые презумпции являются естественным элементом регулирования правоотношений, возникающих по поводу результатов интеллектуальной деятельности, а также могут быть использованы при попытке урегулировать новые правоотношения¹³. Следует также согласиться с вышеуказанной точкой зрения о том, что правовые презумпции не могут быть средствами восполнения пробелов в законодательстве.

Кузнецова О.А., в свою очередь, сравнивает юридические фикции и правовые презумпции и называет их «однопорядковыми явлениями» по отношению к проблеме преодоления пробелов в законодательстве. И те, и другие, по мнению автора, направлены на преодоление пробелов в законодательстве, «экономят» правовое регулирование (что под этим подразумевает автор сказать сложно), упрощают и уменьшают нормативно-правовой массив и служат способами преодоления неопределенности в «юридическом быте»¹⁴.

Однако в силу своей особой роли и «нестандартных свойств» правовые презумпции, как и юридические фикции, не могут быть поставлены вровень с «основными» нормами права, имеющими регулирующее и охранительное значение, и имеют по отношению к ним вспомогательное значение¹⁵.

Зуев Ю.Г. в своей работе утверждает, что правовые презумпции используются не только в процессе доказывания, но и способствуют единообразному пониманию положений материального уголовного закона, а также могут быть использованы при регламентации общественных отношений в целях преодоления коллизий между нормами законов¹⁶. Автор также соглашается с позицией И.И. Кузнецова, подчеркивая, что уголовно-правовые презумпции действуют на всех стадиях правоприменительной деятельности, способствуя ее эффективности, преодолению противоречий законодательства в процессе правоприменения¹⁷.

Демин А.В. отмечает, что неопределенность в налоговом праве преодолевается различными способами, в частности, важнейшее значение имеет закрепленная в п. 7 ст. 3 НК РФ «коллизонная норма-презумпция» о толковании в пользу налогоплательщиков неустранимых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах¹⁸. Автор называет данную презумпцию «презумпцией правоты налогоплательщика», однако в науке она известна под дру-

права» за 1884 г. Кн. 3 // Юридический вестник. 1884. Кн. 4. С. 759-765.

³ См. Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе. 1976. – 190 с.

⁴ См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М. 1961 – 381 с.; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 68 – 74.

⁵ Для целей настоящего исследования мы будем руководствоваться теорией о беспробельности права и о наличии пробелов только в позитивном праве (законодательстве).

⁶ Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2013. – 240 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления. Дис. д-р. юрид. наук. Екатеринбург. 2014. – 452 с.

⁸ См. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2001. – 217 с.

⁹ См. Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве. Дис. канд. юрид. наук. Ярославль. 2000. – 208 с.

¹⁰ Булаевский Б.А. Указ. сочинение.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Кузнецова О.А. Указ. сочинение. С. 58.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зуев Ю.Г. Указ. сочинение.

¹⁷ Зуев Ю.Г. Указ. сочинение. С. 147, 168. Автор приводит ссылку на следующую работу: Правоприменение в советском государстве // Под ред. И.И. Кузнецова и И.С. Самощенко. М. 1985. С. 77.

¹⁸ Демин А.В. Указ. сочинение. С. 64-65.

гим именем – «презумпция добросовестности налогоплательщика»¹⁹.

Исследователь считает, что презумпция правоты является самостоятельной по отношению к презумпции добросовестности. На наш взгляд, как следует из судебных актов КС РФ и ВАС РФ, необходимо признать, что «презумпция добросовестности» является многоаспектным явлением, где «презумпция правоты» выступает в качестве одного из составных компонентов.

Применение презумпции, установленной п. 7 ст. 3 НК РФ, должно быть обусловлено, по мнению Демина А.В., неустранимым характером неясностей и противоречий в источнике налогового права. Неустранимый характер означает, что правовую неопределенность можно устранить только путем внесения изменений в законодательство.

Иной подход в отношении вопроса об использовании правовых презумпций в качестве средств преодоления пробелов в законодательстве можно найти в исследовании Никиташиной Н.А. По ее мнению, одним из основных различий между фикциями и презумпциями является функционал правовых фикций, которые выполняют функцию преодоления неопределенности, как правило, не характерную для презумпций. Исключения составляют только фактически неопровержимые презумпции, которые по своей природе наиболее приближены к фикциям²⁰.

Вышеуказанные подходы к роли правовых презумпций в преодолении пробелов в законодательстве имеют право на существование. Кроме того, по нашему мнению, многие из вышеперечисленных точек зрения вполне обоснованы и соответствуют сущности правовых презумпции, не претендуя на расширение их логико-юридической природы.

Для обоснования собственной точки зрения на поставленный вопрос мы будем исходить из того, что правовая презумпция представляет собой предположение, имеющие правовое значение, прямо или косвенно закрепленное в нормах права, и действующее вне зависимости от воли суда и иных лиц при наступлении определенных в ней обстоятельств (свойство императивности правовых презумпций)²¹.

Иными словами, правоприменителем должны быть использованы не только те презумпции, которые прямо установлены в законе, но и те, которые выводятся из смысла закона, права, а также отношений, составляющих предмет регулирования сферы законодательства. Как показывает практика, данные презумпции так или иначе получают свое закрепление в тексте правовых норм или в судебной практике, поэтому, мы считаем, что риск «придумывания» новых, не основанных на правовом материале, презумпций является минимальным²².

¹⁹ См., например, Разгулин С.В. О презумпции добросовестности налогоплательщика // «Финансы». 2004. № 6 (СПС «КонсультантПлюс»).

²⁰ Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции). Дис. канд. юрид. наук. Абакан. 2004. С. 48.

²¹ Данное определение не претендует на истинность и используется автором настоящего исследования в целях, указанных в данном исследовании.

²² К презумпциям, которые косвенно следуют из норм права или природы регулируемых правоотношений, получившим свое признание в судебной практике, относится, например, презумпция полноты и достоверности установленных судом обстоятельств (см., к примеру, постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2016 № Ф05-17773/2015 по делу № А40-156700/2013, постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2015 по делу № А40-90501/2014 и др.).

При этом, по нашему мнению, вопрос о свойстве императивности правовых презумпций не является однозначным в свете того, что применение норм права, в том числе тех, которые содержат в себе правовую презумпцию, зависит, в том числе, от личности конкретного правоприменителя.

Тем не менее, в идеале правоприменитель во всех случаях обязан исходить из действия как прямо предусмотренных законом презумпций, так и тех, которые могут следовать из содержания правовых норм косвенно, что не всегда имеет место, например, в судебной практике.

Поскольку существование правовой презумпции может быть выведено из содержания правовых норм, и она может быть непосредственно применена к проблемным (неурегулированным) правоотношениям, по нашему мнению, правовая презумпция является более гибким средством преодоления пробелов в законодательстве, чем аналогия закона. Правовые презумпции позволяют избежать поиска сходных с рассматриваемой юридической ситуацией фактических обстоятельств, урегулированных иными нормами права, обращения к нормам других отраслей законодательства и, в случае необходимости, субсидиарного их применения.

В отличие от использования правовой презумпции, прямое урегулирование отношений при помощи нормы права должно привести к ликвидации пробела в законодательстве. Как было указано выше, правовая презумпция выступает только в качестве средства преодоления пробела. Сам же пробел при этом остается в законодательстве и вопрос об его устранении не снимается.

В качестве наглядного примера мы можем рассмотреть положения Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), касающиеся представления интересов участников (учредителей) должника в рамках дела о его банкротстве.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве представитель учредителей (участников) должника – это председатель совета директоров или иного аналогичного коллегиального органа управления должника, либо лицо, избранное советом директоров или иным аналогичным коллегиальным органом управления должника, либо лицо, избранное учредителями (участниками) должника для представления их законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Учитывая, что наиболее распространенной формой организации юридического лица в Российской Федерации является общество с ограниченной ответственностью с простой структурой управления, мы будем руководствоваться последним определением представителя участников (учредителей) должника, т.е. лицо, которое было избрано участниками (учредителями) для представления своих интересов в деле о банкротстве должника.

При этом Закон о банкротстве не содержит норм, регулирующих порядок избрания участниками своего представителя. Однако Закон о банкротстве устанавливает, что именно представитель участников должника является лицом, участвующим в арбитражном процессе по делу о банкротстве, и имеет все вытекающие из этого статуса права, в том числе, «минимальное» право на ознакомление с материалами дела.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что избрание представителя участников регули-

руется общими нормами корпоративного законодательства (в нашем случае, Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), которым установлена процедура принятия определяющих для хозяйственного общества решений на общем собрании участников данного общества большинством голосов.

В связи с этим, можно говорить о том, что законодательство, в частности, Закон о банкротстве, исходит из принципа «общего дела» («общего согласия») при принятии решений участниками (большинством участников) хозяйственного общества, влияющих на его деятельность.

Однако если мы посмотрим на ситуацию, когда в обществе участниками являются только два человека, один из которых (к примеру, с меньшей долей в уставном капитале) был фактически отстранен от участия в связи с корпоративным конфликтом, и он не согласен с банкротством своего общества, то в данном случае последний будет лишен права представлять и защищать свои интересы в деле о банкротстве, поскольку он не является лицом, участвующим в деле или в арбитражном процессе о банкротстве, и не обладает присущими указанным процессуальным статусам правами.

В таком случае арбитражные суды, формально применяя нормы Закона о банкротстве, отказывают участнику даже в ознакомлении с материалами дела, что, безусловно, приводит к нарушению законных интересов участника общества²³.

По нашему мнению, в Законе о банкротстве имеется пробел, связанный с отсутствием регулирования отношений по участию участников должника в деле о его банкротстве при наличии корпоративного конфликта.

Тем не менее, сложно сказать, что законодатель вообще не учитывает возможность наличия в хозяйственном обществе корпоративного конфликта даже при наличии принципа «общего дела». Ярким примером является специальное регулирование рассмотрения корпоративных конфликтов арбитражным судом (глава 28.1 АПК РФ).

Вместе с тем, как мы указывали ранее, Законом о банкротстве процедура избрания представителя участников должника не урегулирована, что, по нашему мнению, дает суду некое поле для судейского усмотрения.

В связи с этим, мы считаем, что принцип «общего дела», учитываемый законодательством, позволяет также говорить о наличии в Законе о банкротстве презумпции отсутствия в обществе (либо среди большинства его участников) конфликта в отношении вопроса об избрании представителя участников должника для представления интересов в деле о банкротстве (далее – презумпция отсутствия конфликта).

Учитывая правовую природу данной презумпции, следует заметить, что она обладает свойством императивности, что, в свою очередь, должно обязать суд руководствоваться ею при рассмотрении любого вопроса, связанного с непосредственным участием в деле о банкротстве должника его участника (учредителя).

В связи с этим, не стоит забывать об одном из главных свойств правовой презумпции, исходящем из ее логической природы, - правовая презумпция по своей сути опровержима. Опровержение презумпции

отсутствия конфликта свидетельствует о наличии в обществе-должнике корпоративного конфликта и, следовательно, ставит вопрос о защите прав и интересов участника данного общества в деле о банкротстве.

Таким образом, обращение участника непосредственно к суду с просьбой, к примеру, об ознакомлении с материалами дела и изложением фактических обстоятельств о наличии корпоративного конфликта с приложением доказательств, подтверждающих данные обстоятельства, является прямым опровержением презумпции.

Поскольку статьей 40 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) к лицам, участвующим в деле, отнесены заявители и заинтересованные лица по делам о банкротстве, а также положения о том, что то дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными Законом о банкротстве (ст. 223 АПК РФ), в нынешних условиях возможности применения арбитражными судами аналогии закона и аналогии права в процессуальных правоотношениях (ч. 5 ст. 3 АПК РФ) следует сделать вывод о возможности допуска учредителей (участников) должника для участия в деле о банкротстве при наличии корпоративного конфликта в обществе и опровержении презумпции об его отсутствии. Их процессуальный статус, по нашему мнению, может быть определен как заинтересованные лица.

Аналогичным образом может быть определена и использована презумпция действия комитета кредиторов в интересах всех конкурсных кредиторов должника. По сути, комитет кредиторов избирается конкурсными кредиторами для того, чтобы отстранить их от участия в деле о банкротстве. Делается это умышленно либо с целью экономии времени – вопрос иного рода. Тем не менее, комитет кредиторов сосредотачивает в своих руках практически все полномочия по разрешению текущих вопросов банкротства должника и фактически осуществляет контрольные функции в отношении действий конкурсного управляющего.

Закон о банкротстве не содержит указания на необходимость предварительного оспаривания каждого шага конкурсного управляющего, одобренного комитетом кредиторов, для оспаривания итогового действия, причиняющего вред конкурсным кредиторам. Законом о банкротстве данная ситуация в принципе не урегулирована в должной степени.

В связи с этим на практике суды отказывают в удовлетворении жалобы конкурсного кредитора на действия конкурсного управляющего в связи с тем, что таким кредитором не обжаловались либо решение комитета кредиторов, опосредующее действия конкурсного управляющего, либо иное предшествующее этому действие (инвентаризация имущества, его оценка и т.п.). В данном свете классическим примером можно назвать оспаривание конкурсным кредитором торгов по продаже имущества должника, проводимых конкурсным управляющим, порядок и условия которых были одобрены комитетом кредиторов²⁴.

Использование вышеназванной презумпции позволяет сделать вывод о том, что при ее опровержении конкурсные кредиторы вправе обжаловать любое действие комитета кредиторов либо действия конкурсного управляющего, одобренные комитетом кредиторов, начиная с любого момента их реализации, не совершая при этом никаких предварительных действий, по-

²³ Например, определение Арбитражного суда города Москвы от 23.05.2013 по делу № А40-22542/2013.

²⁴ См., например, судебные акты по делу № А40-58293/2012.

сколько они фактически отстранены от участия в деле о банкротстве и не могут (и не должны в силу вышеуказанной презумпции) следить за действиями комитета кредиторов.

В приведенном нами примере недобросовестность действий комитета кредиторов, установленная в рамках обособленного спора по заявлению кредитора о признании торгов по продаже имущества должника недействительными, не позволяет суду отказать в удовлетворении данного заявления, ссылаясь на отсутствие предварительного обжалования оценки имущества, результатов его инвентаризации, решения комитета кредиторов и действий конкурсного управляющего.

Следует заметить, что применение правовых презумпций (в том числе, прямо не поименованных в законодательстве) в большинстве случаев не вызывает споров в судебной практике, в отличие, например, от аналогии закона. В данном случае речь не идет о законодательно установленных условиях применения аналогии. Одним из острых вопросов аналогии является ее применение в случае, если законодательство прямо не устанавливает возможность ее использования при рассмотрении тех или иных правоотношений. По общему правилу, отсутствие в законодательстве норм о возможности применения аналогии в правоотношениях, урегулированных таким законодательством, не препятствует использованию аналогии для разрешения спора, вытекающего из данных правоотношений²⁵. Однако на практике возникает вопрос о возможности применения аналогии в законодательстве о банкротстве, поскольку Закон о банкротстве не содержит положений о возможности ее использования вообще. Ярким примером является ситуация, в которой учредитель (участник) должника намеревается удовлетворить требования всех его кредиторов в рамках процедуры наблюдения. Законом о банкротстве предусмотрена возможность для данного лица погасить только требования по обязательным платежам (ст. 71.1 Закона о банкротстве), в то время как в процедуре внешнего управления и конкурсного производства учредитель (участник) должника вправе исполнить за него обязательства перед всеми кредиторами (ст. 113, 125, 129.1 Закона о банкротстве). В связи с отсутствием указания на возможность применения аналогии закона в судебной практике сложилось два прямо противоположных друг другу подхода в отношении вышеописанной ситуации. Согласно первому подходу правила ст. 113 Закона о банкротстве могут быть применены в процедуре наблюдения по аналогии закона в совокупности с положениями ст. 313 ГК РФ, применяемой с учетом специфики, определенной Законом о банкротстве²⁶. Второй подход предполагает, что правила ст. 113 Закона о банкротстве не подлежат применению в процедуре наблюдения, поскольку законодатель специально указал на возможность погашения в указанной процедуре только задолженности по обязательным платежам, а

применение аналогии закона не предусмотрено в Законе о банкротстве²⁷. Поэтому порой применение аналогии закона не является для судов столь очевидным вариантом разрешения прямо неурегулированного законодательством случая.

Тем не менее, следует оговориться, что при использовании правовой презумпции в качестве средства для преодоления пробела в законодательстве для суда должно быть очевидным как наличие данной правовой презумпции, так и наличие пробела в законодательстве, который необходимо преодолеть. Однако, как было показано выше, формальное применение законодательства в некоторых случаях позволяет констатировать отсутствие пробела.

Таким образом, по нашему мнению, правовые презумпции могут быть использованы в качестве эффективных средств преодоления пробелов в законодательстве, и при этом они имеют самостоятельное значение. Правовые презумпции могут быть успешно использованы в настоящее время до непосредственного устранения выявленного пробела в законодательстве, их применение, как правило, не вызывает сомнения у правоприменительных органов.

Список литературы:

1. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2013. - 240 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления. Дис. д-р. юрид. наук. Екатеринбург. 2014. - 452 с.
3. Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве. Дис. канд. юрид. наук. Ярославль. 2000. - 208 с.
4. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М. 1961 - 381 с.
5. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2001. - 217 с.
6. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Издательство Казан. университета. 1972. 200 - с.
7. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань. 1854. - 129 с.
8. Муромцев С.А. Что такое догма права? Критико-полемиическая заметка по поводу статьи Гольмстена «Несколько мыслей о позитивизме в науке права» в «Журнале Гражданского и Уголовного права» за 1884 г. Кн. 3 // Юридический вестник. 1884. Кн. 4. С. 759-765.
9. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции). Дис. канд. юрид. наук. Абакан. 2004. - 184 с.
10. Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе. 1976. - 190 с.
11. Разгулин С.В. О презумпции добросовестности налогоплательщика // «Финансы». 2004. № 6 (СПС «КонсультантПлюс»).
12. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 68 - 74.

²⁵ Лазарев В.В. Применение советского права. 1972. Казань: Издательство Казан. университета. С. 137.

²⁶ Например, постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.04.2013 по делу № А39-737/2012, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30.10.2013 по делу № А40-121206/2012, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 01.02.2012 по делу № А41-21171/2009, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19.06.2006 № КГ-А41/5264-06 по делу № А41-К2-510/2005, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2014 по делу № А48-3555/2013.

²⁷ Например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 21.08.2012 по делу № А43-8441/2012, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2015 № 09АП-469/2015 по делу № А40-91922/2013.

Рецензия

на статью аспиранта Забродина Д.М. «Правовые презумпции как средства преодоления пробелов в законодательстве»

Пробелы в законодательстве являются одной из «вечных» проблем как для юридической научной теории, так и для законотворческой деятельности и правоприменительной практики. Причем вопрос о средствах их преодоления и устранения считается одним из самых динамически развивающихся в отечественной доктрине.

В представленном исследовании Забродиным Д.М. рассматриваются в качестве средств преодоления пробелов в законодательстве правовые презумпции. Постановка вопроса об использовании последних в указанном направлении не является новой, однако следует заметить, что в науке она не разработана должным образом.

Точка зрения Забродина Д.М. не является бесспорной, однако попытка автора комплексно рассмотреть правовые презумпции в качестве средств преодоления пробелов в законодательстве с использованием имеющихся наработок отечественной юриспруденции заслуживает внимания и должна выходить за рамки статьи. Представляется, что автору необходимо исследовать возможность использования правовых презумпций для преодоления пробелов не только в законодательстве о банкротстве, но и в иных отраслях законодательства.

Материал изложен логически стройно, требования для публикации в изданиях ВАК соблюдены.

Статья рекомендуется для публикации в открытой печати и ранее не публиковалась.

Научный руководитель, д.ю.н., профессор Лазарев В.В.